

Ковалев Кирилл Сергеевич

аспирант Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова

РАЗВИТИЕ ВОЕННО-УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ОТ ПЕТРА I ДО АЛЕКСАНДРА I

Аннотация:

В статье представлены основные направления развития военно-уголовного законодательства в Российской империи с начала XVIII до начала XIX в., которое было обусловлено возникновением принципиально новых объектов правового регулирования – регулярной армии и флота, что вызвало потребность в новых законодательных и прочих нормативных актах. Произведен анализ различных нормативно-правовых актов, регулировавших процесс реформирования российского военно-уголовного законодательства в рассматриваемый период. Приведены мнения исследователей, изучающих проблему истории военно-уголовного законодательства России. Отдельное внимание уделяется военно-уголовному законодательству России в период реформ Петра I и Александра I.

Ключевые слова:

военно-уголовное законодательство, уголовная ответственность, наказание, Воинский устав, Воинский артикул, Полевое уголовное уложение, Петр I, Александр I.

Kovalyov Kirill Sergeyeovich

PhD student, Ulyanovsk State Pedagogical University

DEVELOPMENT OF THE MILITARY CRIMINAL LAW: FROM PETER I TO ALEXANDER I

Summary:

The article considers the main development areas of the military criminal legislation in the Russian Empire from the early XVIII to the early XIX centuries, which was determined by the emergence of fundamentally new objects of legal regulation – the regular army and navy that required new legal and other normative acts. The author analyses various legal acts regulating the reformation of the Russian military criminal legislation during the period under review. The opinions of various researchers studying the history of the Russian military criminal law are cited. Special attention is paid to the military criminal legislation of Russia in the period of the reforms of Peter I and Alexander I.

Keywords:

military criminal law, criminal responsibility, penalty, military charter, articles of war, Field Penal Code, Peter I, Alexander I.

В период царствования Петра I, благодаря осуществленным им реформам, в России была сформирована боеспособная армия и построен флот. Петр I принимал активное участие в подготовке правовых документов, регулирующих отношения среди военнослужащих в армии и на флоте. В 1716 г. был принят Воинский устав, а в 1720 г. – Морской устав, содержавшие уголовно-правовые положения. В юридических дефинициях «Устава воинских царя Петра Алексеевича», по мнению Д.А. Савченко, заметно непосредственное влияние идей римского права в противовес «Соборному уложению царя Алексея Михайловича», в котором наряду с греко-византийскими началами встречаются заимствования из Литовских уставов и который хоть и считается памятником русского права, но не свободен от влияния немецких, а именно саксонских законов. При этом ни одна из четырех частей Воинского устава, принятого 30 марта 1716 г., не составляет буквального перевода какого-то одного законодательного европейского документа; в этом отношении не составляет исключения и часть 2 «Артикула воинского с кратким толкованием» (от 25 апреля 1715 г.), который содержал 209 правовых норм и в корне изменил систему своего предшественника – шведского военного артикула [1].

Воинские артикулы распространялись только на преступления, которые совершили военнослужащие. Вместе с тем, согласно Указу Петра I от 10 апреля 1716 г., они могли быть использованы судами при рассмотрении уголовных дел по обвинению гражданских лиц [2]. Таким образом, Воинский устав был первым нормативным актом, который на законодательном уровне закрепил ответственность всех слоев населения за совершение военных преступлений. Остановимся вкратце на основных, на наш взгляд наиболее примечательных, новеллах данного документа [3].

Так, Воинский устав 1716 г. выделяет в числе прочего различные разновидности преступных объединений «воинских людей» (артикулы 133, 138), при этом участники преступного объединения несли равную ответственность за содеянное. Воинский устав 1716 г. не предусматривал классификации видов соучастников преступления. Главными виновниками совершения преступления, вместе с исполнителем, были организатор, подстрекатель и пособник.

Для обозначения исполнителя, организатора и подстрекателя в Воинском уставе использовались такие термины, как «заводчик, или возбудитель возмущения» (арт. 68 и 84), «зачинщик»

(арт. 133), «подкупщик, наемщик» (арт. 161) и др. Кроме того, в Воинском уставе 1716 г. приводятся способы совершения преступления, подпадающие под действия исполнителя, организатора и подстрекателя: «подкупить», «склонить» (арт. 2), «соблазн совершить» (арт. 11), «принудить», «подманить» (арт. 119), «умолить» (арт. 161) и др. Ответственность инициатора совершения преступления была, как правило, выше, чем других участников преступления. Пособники в Воинском уставе именовались как «помогатель» (арт. 138), «вспомогатель» (арт. 19, 59, 155) и др. Они обычно несли одинаковую ответственность с исполнителями преступления, что было закреплено в арт. 19, 138, 155, 178, 185 и 189.

В Воинском уставе 1716 г. не проводится разграничение между соучастием и причастностью к преступлению. В артикулах указывается на ответственность за недонесение о преступлении, укрывательство, а также приобретение, получение, хранение и сбыт имущества, добытого преступным путем. Лица, причастные к преступлению, несли, как правило, одинаковую ответственность с соучастниками преступления.

Для характеристики действий укрывателя преступника в Воинском уставе 1716 г. использовались такие формулировки: «содержит при себе вора» (арт. 190), «неприятелей, изменника какова или злодея утаить или под каким видом вводит» (арт. 206) и др. Согласно арт. 95, 190 и 206, укрыватели несли такую же ответственность, как и те, кого они прятали. Ответственность за укрывательство преступника или имущества, добытого преступным путем, предусматривалась арт. 95, 189, 190, 206 и т. д.

Для определения способов хранения, приобретения, получения и сбыта имущества, добытого преступным путем, в Воинском уставе 1716 г. употреблялась такая терминология: «получили», «приняли», «спрятали», «утаила» (арт. 189), «купит», «продаст», «спрячет» (арт. 190) и др. Согласно арт. 189 и 190, для лиц, виновных в хранении, приобретении, получении и сбыте похищенного имущества, предполагалось такое же наказание, как и для тех, кто совершил собственно преступление. Вместе с тем арт. 59 устанавливалась менее строгая ответственность за приобретение или получение военного мундира или ружья, чем за утрату этого имущества.

Воинский устав 1716 г. закреплял ответственность за попустительство в совершении преступления. За недонесение о преступлении в Воинском уставе 1716 г. был предусмотрен ряд уголовно-правовых норм. Список преступлений, за недонесение о которых наступала ответственность, был ограничен. Виновный наказывался за недонесение о богохульстве (арт. 5), о посягательстве на жизнь и свободу «Его Величества» (арт. 19), о приготовлении к бунту и мятежу (арт. 136), о похищении «более двадцати рублей» (арт. 189), о присвоении государственных денег (арт. 194). Недоноситель нес такую же ответственность, как и лицо, о преступных действиях которого не было своевременно сообщено властям.

В результате длительного ведения войны со Швецией и Турцией российская армия нуждалась в новых солдатах. Правительство Петра I проводило постоянные рекрутские наборы. Количество дезертиров, матросов и рекрутов было весьма значительно. При этом увеличился поток не только беглецов-военнослужащих, но и раскольников, крестьян и всех тех, кто был недоволен политикой царя-реформатора.

Петр I принял ряд мер по противодействию уклонению солдат, матросов и рекрутов от военной службы, поскольку была опасность того, что они, будучи в бегах, начнут заниматься преступной деятельностью. Беглые военнослужащие и крестьяне приравнивались к «воровским и злым» людям независимо от того, совершали они во время бегства или после него какие-либо преступления. Наказание для них было таким же строгим, как и для разбойников. Соответственно, в период правления Петра I усиливалась ответственность за укрывательство беглых солдат, матросов и рекрутов, а в 1708 г. была введена круговая порука с целью удержания рекрутов и солдат от побегов. Указом Петра I от 7 апреля 1715 г. устанавливалась ответственность за укрывательство, а также за недонесение об укрывателях солдат-беглецов [4, с. 153].

Указом Петра I от 30 октября 1719 г. предусматривалась строгая ответственность за недонесение и укрывательство «беглых драгун и солдат, матросов и рекрут, также воров и разбойников». В этом документе проводилось определенное разграничение между соучастниками преступления и теми, кто не сообщает о преступниках и предоставляет им свое жилище для укрытия. Причастные лица приравнивались к основным преступникам. Наказание для таких лиц было таким же строгим, как и для «беглых драгун и солдат, матросов и рекрут, также воров и разбойников», – смертная казнь [5, с. 46]. Этим же указом устанавливались поощрительные меры к тем, кто сообщит о лицах, прячущих перечисленных преступников.

Согласно Указу Петра I от 26 июня 1724 г., на население возлагалась обязанность сообщать офицерам военных команд о ворах и разбойниках. За несообщение о преступниках виновный подвергался наказанию в виде ссылки на каторжные работы, а также конфискации у него

всего движимого и недвижимого имущества. Этим же документом предусматривалась ответственность для полковых командиров при попустительстве преступления [6, с. 45].

Петр I понимал, что введенные им артикулы уже не отвечают потребностям армии, и распорядился подготовить исправленные «военные артикулы», в целях чего им была учреждена комиссия, получившая официальное название «Комиссия 1728», в состав которой, помимо чиновников, вошли дворянские представители от каждой из губерний. Однако в связи со смертью Петра I Комиссия даже не успела приступить к работе [7, с. 168].

Тем не менее в 1730 г. императрицей Анной Иоанновной была учреждена новая воинская комиссия по рассмотрению артикулов Петра I, однако ее деятельность ограничилась лишь собиранием материалов. Столь же малорезультативной явилась работа законодательных комиссий в период правления Елизаветы I (1754 г.) и Екатерины II (1762 г.).

Таким образом, в сфере военно-уголовного законодательства начиная с 30-х гг. XVIII в. происходит хаотическая законотворческая деятельность, которая продолжалась вплоть до 1812 г., в ходе которой изменения военно-уголовного законодательства осуществлялись посредством принятия отдельных, разрозненных нормативных актов.

В период правления Павла I также не было введено каких-либо значимых новшеств. Однако следует отметить, что в данный период наблюдается ориентация на расширительное истолкование понятия «воинское преступление», под которым понимается не только любое действие, которое запрещено уголовным законом и за совершение которого назначается наказание, но и такое действие, которое запрещалось одним лишь административным распоряжением военного руководства.

Не стоит полагать, что при Павле I петровское военно-уголовное законодательство целиком игнорировалось: продолжали действовать Воинский устав 1716 г. и Артикул, на которые ссылались суды; поддерживалась дисциплина посредством различного рода военно-уголовных постановлений. Однако оценка преступлений полностью передавалась на откуп военному руководству, в обязанности которого входила и квалификация преступлений.

Александр I в начале царствования поставил задачу реформирования военно-уголовного законодательства, которое успешно преобразовывалось к этому времени в Западной Европе. Тем не менее разработка обновленного военно-уголовного законодательства активизируется лишь в 1811 г., в результате чего 27 января 1812 г. было издано «Учреждение для управления большой действующей армией», которое включало в себя «Полевое уголовное уложение» и «Устав полевого судопроизводства» [8].

«Полевое уголовное уложение» для действующей армии представляло собой новый военно-уголовный кодекс, состоящий из семи глав и семидесяти двух статей, который действовал исключительно в военное время, а в мирное время продолжал действовать петровский Воинский артикул [9].

К отличительным особенностям Полевого уголовного уложения, по мнению исследователей, следует отнести:

1. Лаконичность и понятность правовых норм, предусматривающих новый перечень наказаний военнослужащих, включавший, например, смертную казнь и «гражданскую смерть». Также предусматривались лишение чинов, исключение из рядов армии, телесные наказания, разжалование, заточение, ссылка, конфискация и денежные взыскания. При этом существовала дифференциация наказаний в зависимости от их субъектов: нижних чинов, офицерства, дворянства.

2. Наказания применялись исключительно военными судами в противоположность прежнему военно-уголовному законодательству, которое допускало расширительное использование воинских наказаний по отношению к гражданскому населению, что стало основанием к созданию в Российской империи специальной правовой отрасли – военно-уголовной. Однако указанная тенденция в дальнейшем развития не получила, и в мирное время Полевое уголовное уложение применялось за сопротивление к ссыльнокаторжным и т. п. [10].

В заключение следует сказать о преемственности и стабильности российского военно-уголовного законодательства. Так, Уложение 1812 г. сохранило традиции предыдущего военно-уголовного права, в системе наказаний которого преобладала смертная казнь (27 из 73 статей), а «Артикул» Петра I продолжал действовать до 1812 г. (для военного времени) и вплоть до 1839 г. (для мирного времени). При этом уголовно-правовая часть Морского устава 1720 г. оставалась в силе вплоть до 1851 г.

Ссылки:

1. Савченко Д.А. Государственные преступления по военно-уголовному законодательству Петра I // Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху барокко (1700–1762). СПб., 2002. Вып. 2. С. 16–21.

2. Чистяков О.И. Процессуальное законодательство // Законодательство Петра I / под ред. А.А. Преображенского, Т.Е. Новицкой. М., 1997.
3. Серов Д.О. Забытые редакции Артикула воинского и «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» (из истории кодификации военного законодательства России XVIII в.) // *Lex Russica*. 2013. № 2. С. 113–121.
4. Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. М., 2001.
5. Рыженков М.Р. Армия не место для преступников и бродяг // *Военно-исторический журнал*. 2000. № 1. С. 44–52.
6. Там же. С. 45.
7. Серов Д.О. Военно-уголовное и военно-процессуальное законодательство России первой четверти XVIII в. (опыт систематического обзора) // *Актуальные проблемы российского права*. 2014. № 2 (39). С. 165–173.
8. Сухондяева Т.Ю. Полевое уголовное уложение 1812 г. как источник норм российского военно-уголовного права XIX в. // *Международные юридические чтения : материалы и докл. ежегод. науч.-практ. конф. (Омск, 25 апреля 2008 г.)*. Омск, 2008. Ч. 1. С. 108–111.
9. Сидоркин А.И. Воинские наказания в Российской империи (1725–1855 гг.) // *Lex Russica*. 2013. № 5.
10. Курбацева А.П. Нормативно-правовое обеспечение эволюции военно-судебной системы в первой половине XIX в. // *Актуальные проблемы российского права*. 2013. № 5. С. 554–561.

References:

- Chistyakov, OI 1997, 'Procedural law', in AA Preobrazhenskiy, TE Novitskaya (ed.), *Legislation Peter I*, Moscow, (in Russian).
- Kurbatseva, AP 2013, 'Regulatory support the evolution of the military justice system in the first half of the XIX century', *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*, no. 5, pp. 554-561, (in Russian).
- Linovskiy, VA 2001, *Historic experience of pretrial criminal proceedings in Russia*, Moscow, (in Russian).
- Ryzhenkov, MR 2000, 'The army is not a place for criminals and vagrants', *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*, no. 1, pp. 44-52.
- Savchenko, DA 2002, 'State crimes under military criminal law of Peter I', *Krov'. Porokh. Lavry. Voyny Rossii v epokhu barokko (1700–1762)*, St. Petersburg, vol. 2, pp. 16-21, (in Russian).
- Serov, DO 2013, 'Marking Forgotten edition military and "Short image processes or judicial documents" (History of the Russian military legislation codification of the XVIII century)', *Lex Russica*, no. 2, pp. 113-121, (in Russian).
- Serov, DO 2014, 'Military and military criminal procedure of Russia legislation of the first quarter of XVIII century (experience of the systematic review)', *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*, no. 2 (39), pp. 165-173, (in Russian).
- Sidorkin, AI 2013, 'Military punishment in the Russian Empire (1725-1855)', *Lex Russica*, no. 5, (in Russian).
- Sukhondyaeva, TY 2008, 'Field criminal code in 1812 as a source of norms of the Russian military criminal law of XIX century', *Mezhdunarodnyye yuridicheskiye chteniya: materialy i dokl. yezhegod. nauch.-prakt. konf. (Omsk, 25 April 2008)*, Omsk, part 1, pp. 108-111, (in Russian).